

А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев:
к вопросу о научной кооперации историков

В статье рассматриваются содержание и итоги научного взаимодействия трех выдающихся историков рубежа XIX–XX вв.: А. Мау, Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева, ярким плодом которого явились две наиболее ранние из опубликованных работ последнего, посвященные анализу результатов археологических раскопок в Помпеях в 80–90-х гг. девятнадцатого столетия. Подчеркивается творческий характер восприятия М.И. Ростовцевым методологических установок А. Мау и Н.П. Кондакова, что позволило ему умело сочетать в своих собственных исследованиях принципиальную точность в работе с источниками и новаторские подходы к их интерпретации.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, А. Мау, Помпеи, иконографический метод, помпеянские стили.

Ставший впоследствии знаменитым на весь мир ученым, действующим профессором Йельского университета, избранный доктором *honoris causa* в Оксфорде, Кембридже, Гарварде и ряде других ведущих высших учебных заведений, председатель Американской исторической ассоциации (1935), русский историк-антиковед М.И. Ростовцев (1870–1952) вряд ли состоялся бы как специалист, не будь в его жизни выдающихся учителей и наставников. Особое место среди них занимают фигуры двух исследователей – А. Мау (1840–1909) и Н.П. Кондакова (1844–1925), каждый из которых внес свой существенный вклад в изучение проблем древней истории и прежде всего вопросов, связанных с эволюцией античного и средневекового искусства. Научное сотрудничество с ними в годы профессионального становления во многом предопределило не только направление одной из магистральных линий интеллектуального

творчества М.И. Ростовцева, но и заложило фундамент методологических принципов, которые он будет последовательно утверждать и отстаивать на протяжении всей своей жизни. Характер и сущность этих влияний, таким образом, выступают в качестве предмета для рассмотрения в рамках настоящей статьи.

С Н.П. Кондаковым судьба свела М.И. Ростовцева в 1890 г., когда он по инициативе отца и по протекции давнего друга последнего – И.В. Помяловского, декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, перевелся из Киева в столичный вуз на третий курс обучения¹. В 1890/91 уч. г. Никодим Павлович преподавал здесь историю и теорию классического искусства, дисциплину, не являвшуюся для него прямым отражением научных интересов (сам он был специалистом по византийскому и древнерусскому искусству). Тем не менее атмосфера этих лекций и семинарских занятий, проходивших по большей части в университетском музее древностей или же на квартире самого Н.П. Кондакова и получивших в среде их участников полужутливое название «кружка фактопоклонников», навсегда осталась в памяти М.И. Ростовцева². Позднее он признавался: «Впервые об истории искусства и об археологии я услышал от Н.П. в его лекциях – не по его ближайшей специальности – об истории классического искусства»³. Впоследствии чисто академические отношения между ними перерастут в искреннюю дружбу, их семьи будет связывать многолетняя переписка⁴. Как отметит в своих воспоминаниях близкая подруга юности С.М. Ростовцевой (жены Михаила Ивановича) В.Н. Муромцева-Бунина (супруга известного русского писателя И.А. Бунина): «С особенной нежностью всегда говорил он [Н.П. Кондаков – П. А.] о своем ученике М.И. Ростовцеве»⁵.

Однако нас в данном случае личные взаимоотношения двух ученых интересуют лишь косвенным образом. Гораздо более ценным с точки зрения истории науки представляется выяснить, какие методологические предпочтения скрывались за обтекаемым прозвищем участников кружка – «фактопоклонники». Тем более что сам М.И. Ростовцев не себя, ни своего учителя к поклонникам фактов как таковых не причислял. Комментируя тот период своей жизни, он признавал: «Вся эта терминология кажется теперь несколько смешной и старомодной, но в 80-х и 90-х годах это была здоровая реакция против смутных и малообоснованных обобщений, к которым так склонны русские люди»⁶. Чтобы понять не только, против чего выступал молодой исследователь, но и какие идеи он отстаивал, необходимо обратиться непосредственно к его раннему творчеству.

Известно, что первыми серьезными, хотя и ученическими, исследованиями М.И. Ростовцева стали его работы, посвященные археологии и искусству древних Помпеев. И его первый научный доклад о помпеянских художественно-декоративных стилях, сделанный в рамках семинария Н.П. Кондакова, и его выпускное квалификационное сочинение – «Исправить и дополнить городскую помпеянскую хронику Ниссена по новейшим исследованиям и раскопкам», выполненное под руководством все того же Н.П. Кондакова и Ф.Ф. Зелинского и удостоенное решением Совета профессоров Санкт-Петербургского университета золотой медали⁷, со всей очевидностью свидетельствуют о тщательной проработке им этой темы.

Но еще более интерес к искусству древнего города, а также научные подходы, усвоенные М.И. Ростовцевым за время обучения в столице, прослеживаются в его первых опубликованных статьях, представляющих собой археологические отчеты о находках в Помпеях, которые в конце XIX столетия активно исследовались европейскими специалистами, и в частности Августом Мау. Этот выдающийся ученый оказался в жизни М.И. Ростовцева еще одним важнейшим человеком, сотрудничество с которым оставило неизгладимый отпечаток на его последующей научной деятельности. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что объекты, доселе изучаемые Михаилом Ивановичем лишь умозрительно, предстали наконец-то перед ним воочию. Молодому исследователю посчастливилось лично, причем дважды, принять участие в научном проекте по раскопкам Помпеев, возглавляемым на тот момент А. Мау. Об этой совместной работе и о том впечатлении, которое произвели на него лекции и особая исследовательская манера немецкого ученого, заключавшаяся в «детальности анализа, строгости и мелочности наблюдения, математической верности реконструкции»⁸, М.И. Ростовцев будет вспоминать и спустя многие годы⁹.

Первую заграничную поездку М.И. Ростовцева биографы относят к концу весны – началу осени 1893 г. Осуществлено путешествие было частью на родительские, частью на собственные средства, заработанные за год преподавания в Царскосельской Николаевской гимназии. Об этом первом научном турне ученого осталось крайне мало сведений. Однако благодаря сохранившейся записной книжке М.И. Ростовцева того времени доподлинно известно, что он посетил Рим (где завязал дружеские и профессиональные связи с сотрудниками римского отделения Германского археологического института), а также Помпеи – тогдашнюю Мекку мировой архео-

логии. Здесь он и познакомился с А. Мау, который не только допустил начинающего исследователя к слушанию своих лекций, но и сразу же привлек его непосредственно к полевой работе. А практическим результатом поездки явилась его первая опубликованная статья – «О новейших раскопках в Помпеях»¹⁰.

15 марта 1895 г. ученый выехал в очередную командировку в Европу, официальной целью которой значилась необходимость подготовки магистерской диссертации. Куратором поездки выступил профессор Петербургского университета Ф.Ф. Зелинский. Путешествие, изначально планировавшееся как годичное, растянулось на целых три года, за которые М.И. Ростовцев успел посетить Константинополь (где поработал в Русском археологическом институте), Афины (где познакомился с Б.В. Фармаковским¹¹), острова Эгейского моря, побережье Малой Азии, материковую Грецию, Италию (снова Рим и работа с А. Мау в Помпеях), Австро-Венгрию, Испанию (вместе с Н.П. Кондаковым – эту поездку ученый позже отмечал особо, так как именно здесь «под крылом» старшего коллеги он на практике «учился смотреть и видеть» памятники искусства¹²), Францию, Тунис, Алжир, Великобританию. Этот многолетний вояж завершился в марте 1898 г., когда исследователь вернулся в Санкт-Петербург с готовым текстом диссертации¹³. Но еще во время поездки, в 1896 г., он успел отослать в столицу свой второй отчет – «Помпеи за 1893–1895 гг.»¹⁴, где описал то новое, что успел обнаружить в период очередного пребывания в знаменитом античном городе.

Собственно, эти две работы о Помпеях (в дальнейшем М.И. Ростовцев перенесет свой интерес археолога на древности Юга России и, прежде всего, античный Пантикапей, более доступный для русского ученого) и стали для него своеобразной пробой пера. Именно в них молодой исследователь впервые обозначил методологические принципы, которые лягут в основание его научного творчества на много десятилетий вперед. Внимательное изучение этих историографических источников позволяет определить и тот путь, который проделал М.И. Ростовцев, оттачивая свой творческий стиль.

Статья «О новейших раскопках в Помпеях» представляет собой классический археологический отчет. Автор с максимально возможной скрупулезностью описывает архитектурные особенности и художественное убранство ряда зданий, найденных в древнем городе начиная с 1882 г., т. е. времени выхода в свет фундаментального труда А. Мау о Помпеях¹⁵. В южной части города (глава I) им тщательно фиксируются остатки большого жилого дома¹⁶, част-

ных бань (мужской и женской)¹⁷, соседствующего с ними в том же квартале «промышленного» сада (сада, где в больших масштабах в коммерческих целях выращивали: в одной его части овощные культуры и цветы, в другой – виноград)¹⁸. Переходя к кварталам, расположенным вдоль так называемой Ноланской улицы (глава II), М.И. Ростовцев снова подчеркивает «промышленный» характер большинства местных сооружений. Заметим, что «промышленный» в понимании русского ученого – это производное от слова «промысел» (некое дело или бизнес, говоря в современных категориях). Речь в данном случае идет о зданиях, использовавшихся в деловых целях: о термополии (древнеримском заведении быстрого питания)¹⁹, лавке виноторговца²⁰, постоялом дворе²¹, конторе писца программ и объявлений²². Однако наряду с ними здесь находились и частные жилые помещения: несколько небольших домов²³ и один роскошный особняк²⁴ – их планировка и внутреннее убранство также в деталях описываются М.И. Ростовцевым. Наконец, последняя часть работы (глава III) посвящена обзору находок, сделанных вне городских границ. Все это – различного рода захоронения: склепы, гробницы и прочие памятники погребального назначения²⁵.

Отличительной особенностью первой опубликованной статьи русского ученого является полное отсутствие каких-либо широких выводов и обобщений. Работа в принципе обрывается на полуслове: описанием последней по времени из обнаруженных в районе Помпеев гробниц. Складывается стойкое впечатление, что М.И. Ростовцев вовсе не стремился представить здесь какую-то стройную теорию или нарисовать полную картину истории этого древнего города. Свои задачи он видел скромнее, вполне в духе Августа Мау, под началом которого он и делал наблюдения, положенные в основу публикации. Много позже в некрологе «Август Мау» он так охарактеризует исследовательский почерк немецкого коллеги: «Город оживал, оживали площади, храмы, театры, бани, дома, оживали не в красочных полудантастических картинах, не в образных фразах, а из сухого детального анализа кладки стен, из разбора наслоений крашеной штукатурки, разбора следов деревянных частей в кладке, сличения размеров той или иной архитектурной части, интерпретации той или иной часто незамеченной или неправильно до него прочитанной надписи...»²⁶. Эти слова в полной мере можно отнести и к самому М.И. Ростовцеву применительно к его первой статье. Сухие изложенные факты, результаты наблюдений автора в течение нескольких летних месяцев 1893 г. должны были говорить сами за себя.

Следует при этом отметить, что, несмотря на весь пиетет, который испытывал молодой ученый по отношению к А. Мау, он в

целом ряде случаев осмелился оспорить отдельные его выводы и предположения, что свидетельствует о его стремлении уже в самом начале научной карьеры проявить самостоятельность суждений и добиться качества исследовательской новизны. Правда, критические замечания М.И. Ростовцева не носят принципиального характера и касаются лишь частных интерпретаций немецким ученым отдельных сюжетов фресок, элементов декора в помпеянских зданиях, а также некоторых архитектурных конструкций. Так, рассматривая одну из жанровых сцен на стене частных бань, где изображено было состязание атлетов, он оспаривает мнение А. Мау относительно одной из фигур: вместо судьи ему здесь видится «лицо, заинтересованное в судьбе побежденного»²⁷. В других случаях его не удовлетворяет произведенная А. Мау реконструкция ряда архитектурных элементов рассматриваемых им помпеянских домов²⁸, надгробных сооружений²⁹ или же топографических особенностей местности, окружавшей город (в частности, направление дороги, начинавшейся у Нуцеринских ворот³⁰).

Таким образом, для М.И. Ростовцева в тот период, когда он трудился над своим отчетом, сущность научной деятельности как таковой и заключалась в уточнении этих деталей. Наиболее значимые и «громкие» выводы, сделанные им в работе, касаются прежде всего корректировки хронологии строительства тех или иных сооружений, определения последовательности возведения отдельных частей домов, а также этапов их многочисленных перестроек и подновлений. На этом фоне выделяется разве что предположение историка относительно даты извержения Везувия, погубившего Помпеи, Геркуланум и Стабии. Он указывает на недавнюю к тому моменту времени находку в Помпеях зрелых плодов одной из разновидностей лаврового дерева, которые поспевают исключительно глубокой осенью (в октябре–ноябре). Между тем тогда считалось общепризнанным (со ссылкой на письма Плиния Младшего), что трагедия произошла в августе 79 г. н. э. Новые данные позволили М.И. Ростовцеву подвергнуть эту версию сомнению³¹.

Тем не менее именно рутинные, «мелкие» замечания молодого ученого заслуживают наибольшего внимания, когда мы говорим о результатах его сотрудничества с А. Мау. Дело в том, что подавляющее большинство его частных выводов, связанных с корректировкой хронологии строительства сооружений в рассматриваемом древнем городе, имеют своей методологической базой так называемую теорию помпеянских художественных стилей, разработанную немецким исследователем и ставшую его главным вкладом в мировое антиковедение. Если ранее все многообразие фресок, найден-

ных в Помпеях, рассматривалось как единый монолит, то А. Мау на основе тщательного анализа «красок, форм, декоративной схемы, орнаментов» удалось выделить четыре сменявших друг друга во времени художественных стилия, выстроив их в хронологическую последовательность «с точностью чуть ли не до 10 лет»³². Именно эта точность позволила М.И. Ростовцеву с уверенностью датировать интересовавшие его памятники.

Критический подход автора и привычку определять периоды постройки здания по художественным стилям, в которых выполнено его убранство, впоследствии отметит и рецензент³³. Действительно, уже в начале статьи молодой историк кратко излагает особенности каждого из помпеянских декоративных стилей³⁴, а затем до самого конца работы производит датировку сооружений, указывая не годы постройки, а стили, в которых создана та или иная часть строения³⁵. Однако далее этого, как уже было сказано, он не идет.

Совершенно по-иному выстраивает М.И. Ростовцев свою вторую статью. Признавая ее прямым продолжением предыдущего исследования³⁶ и высказывая публичную благодарность А. Мау за его помощь «и словом и делом»³⁷, он тем не менее избирает новую траекторию подачи материалов последних раскопок в Помпеях. Если ранее он стремился обозначить все наиболее значимое, найденное в древнем городе за несколько десятилетий, то теперь он сосредотачивает свое внимание исключительно на одном памятнике – так называемом доме Веттиев³⁸. Однако рассматривает его исключительно глубоко и всесторонне, так что объем нового исследования значительно превосходит объем предыдущего опуса. Этот анализ резко отличается от того сухого археологического отчета, каким его видел А. Мау и каким его представлял себе сам М.И. Ростовцев еще несколько лет тому назад. Очевидно, эти перемены в его научном стиле явились результатом того самого совместного путешествия с Н.П. Кондаковым по городам Италии и Испании, которое состоялось в мае–июле 1896 г.³⁹, как раз в период подготовки к печати второй серьезной работы молодого ученого.

Подробное изложение выводов М.И. Ростовцева по дому Веттиев может стать основой для самостоятельного историографического исследования. Поэтому ограничимся здесь лишь ключевыми наблюдениями.

Сразу же бросается в глаза, что антиковед отныне начинает уделять пристальное внимание анализу самих сюжетов античной декоративной живописи, а также композиционным особенностям мифологических картин (Аполлон и Кипарис⁴⁰, Леда и лебедь⁴¹, первый подвиг Геракла⁴², наказание Дирки⁴³, Пасифая и Дедал⁴⁴

и многие другие) и жанровых сценок (например, амуры, занятые повседневными заботами и развлечениями римлян: играми, изготовлением цветочных гирлянд, лекарств, ювелирных изделий, золочением, ремонтом одежды, состязаниями колесниц, сбором винограда, приготовлением и продажей вина)⁴⁵, которыми изобиловали изображения на фресках и мозаиках в помпейских зданиях.

Эти сюжеты его интересуют не сами по себе. Ученый занят поиском художественных параллелей, аналогий, общих прототипов и последующих редакций отдельных живописных образов. При этом ученый помещает каждый из рассматриваемых им визуальных источников в широкий культурный контекст, включающий в себя не только памятники изобразительного искусства, но и богатую литературную базу. В этом смысле показателен пример рассмотрения им фрески с изображением Ифигении в Тавриде⁴⁶. Для М.И. Ростовцева важно не просто детально описать композицию фрески, но и выяснить общий источник, к которому восходит изображенный на ней сюжет. Указав еще на четыре примера идентичной композиции в трактовке данной сцены среди известных на тот момент науке находок, он приходит к уверенному выводу о едином прототипе всех этих изображений – одноименной трагедии Еврипида. При этом ученый даже отмечает тот конкретный фрагмент текста произведения⁴⁷, который и подвергся воплощению в красках на одной из стен дома Веттиев.

В этом поиске оригинала и последующих его копий, которые вместе составляют единую редакцию, отчетливо прочитывается иконографический метод Н.П. Кондакова⁴⁸. Однако, если последний выявлял иконографические типы в византийском и древнерусском искусстве, то М.И. Ростовцев, заимствовав метод учителя, применил его к совершенно иному объекту – искусству античному, в данном случае древнеримскому.

Отметим еще одно совпадение интересов ученика и его наставника: их обоих привлекают в наибольшей степени сюжеты, в которых заметно соединение разнородных художественных элементов в рамках единого культурного пространства. Синкретизм, диффузия, взаимопроникновение стилей и сюжетных основ становятся объектом самого пристального внимания со стороны М.И. Ростовцева. Но опять-таки, если Н.П. Кондакова занимал вопрос о том, как из соединения византийских, кочевнических и местных элементов возникло древнерусское искусство⁴⁹, то его ученик ищет другое. Ему важно понять, как в искусстве древних Помпеев сплавились воедино собственно римские и греческие (или даже восточные) элементы. Подробно анализируя приемы декорирования

и орнаментовки, которые применяли мастера, расписывавшие дом Веттиев, М.И. Ростовцев склонен полагать, что они черпали многие свои идеи в специальных сборниках соответствующих элементов, пришедших с Востока, творчески преломляя и перерабатывая иноземный художественный опыт⁵⁰. Ученый абсолютно уверен: «...образец существовал, это несомненно, и происхождение его надо искать, как и для многого в Помпеях и особенно в помпеянской живописи, в Александрии или вообще на греческом востоке»⁵¹. Тем самым, помимо всего прочего, он ставит под сомнение общепринятые на тот момент идеи о преимущественном распространении западной культуры на Восток – вестернизации – в эпоху, последовавшую за походами Александра Македонского, и утверждая равнозначность обратного ему процесса культурной ориентализации римского Запада.

Подводя итоги настоящего исследования, мы можем заключить, что сотрудничество начинающего историка и археолога М.И. Ростовцева с такими корифеями тогдашней науки, как А. Мау и Н.П. Кондаков, помогло ему приобрести свой собственный, ни с кем не схожий творческий почерк, соединив уже в первых своих работах немецкую точность с русским умением мыслить широко, основываясь на развернутом источниковом материале и на базе новейших научных теорий.

Примечания

- ¹ См.: *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев: Годы в России: Биографическая хроника // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 52.
- ² Там же. С. 53.
- ³ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002. С. 211.
- ⁴ См.: Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман... С. 431–460.
- ⁵ *Муромцева-Бунина В.Н.* Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти) // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы... С. 353.
- ⁶ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний... С. 212.
- ⁷ См.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 54.
- ⁸ *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Май. Отд. 2. С. 31.
- ⁹ См. также другой некролог: *Ростовцев М.И.* Август Мау // Гермес. 1909. № 7. С. 279–282.

- ¹⁰ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Январь–февраль. Отд. 5. С. 45–101.
- ¹¹ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка, 1988. С. 61, 86–87.
- ¹² *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний... С. 214.
- ¹³ Подробнее см.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 56–57; *Тихонов И.Л.* Заграничные командировки 1893–1898 гг. М.И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор: Тезисы конференции. Новочеркасск: Красное знамя, 1989. С. 12–14.
- ¹⁴ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1896. Т. 8. Вып. 3–4. С. 307–393.
- ¹⁵ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 45. Примеч. 1.
- ¹⁶ Там же. С. 47–65.
- ¹⁷ Там же. С. 53–65.
- ¹⁸ Там же. С. 65–67.
- ¹⁹ Там же. С. 69.
- ²⁰ Там же. С. 70.
- ²¹ Там же. С. 70–73.
- ²² Там же. С. 73–74.
- ²³ Там же. С. 74–82.
- ²⁴ Там же. С. 82–91.
- ²⁵ Там же. С. 91–101.
- ²⁶ *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал министерства... С. 30–31; Он же. Август Мау // Гермес... С. 280–281.
- ²⁷ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 57. Примеч. 1.
- ²⁸ Там же. С. 80; с. 83, примеч. 3; с. 84; с. 89, примеч. 2.
- ²⁹ Там же. С. 96, примеч. 2.
- ³⁰ Там же. С. 91, примеч. 2.
- ³¹ Там же. С. 99.
- ³² *Ростовцев М.И.* Август Мау (некролог) // Журнал министерства... С. 33; Он же. Август Мау // Гермес... С. 281.
- ³³ См.: *Жебелёв С.А.* Рец.: *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях. С.-Петербург, 1894 // Филологическое обозрение. 1894. Т. 6. Кн. 1. С. 15–17.
- ³⁴ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях... С. 49, примеч. 1.
- ³⁵ Там же. С. 49–50, 52, 54–55, 59, 71, 77–80, 82, 83, 85–87, 89, 94, 96, 97.
- ³⁶ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 307, примеч. 1.
- ³⁷ Там же. С. 393.
- ³⁸ Надо отметить, что сам М.И. Ростовцев в данной атрибуции дома к его предполагаемому хозяину не уверен, хотя и осведомлен о ней из научной литературы (Там же. С. 393, примеч. 1).
- ³⁹ См.: *Зуев В.Ю.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁰ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 323.
- ⁴¹ Там же. С. 326.

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 345–350.

⁴⁴ Там же. С. 352–354.

⁴⁵ Там же. С. 367–383.

⁴⁶ Там же. С. 365–366.

⁴⁷ Там же. С. 366.

⁴⁸ Подробнее см.: *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. С. 74–155; *Клейн Л.С.* История российской археологии: Учения, школы и личности. Т. 1. СПб.: Евразия, 2014. С. 545–549.

⁴⁹ *Клейн Л.С.* Указ. соч. С. 118.

⁵⁰ *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. ... С. 339.

⁵¹ Там же. С. 369.